

Artykuły teoretyczne i historyczne

Теоретические и исторические статьи

Светлана М. Повторева

Национальный университет «Львовская политехника»

Человек в творчестве Михаила Бахтина

Człowiek w twórczości Michaila Bachtina

Выбор темы и актуальность данной статьи можно обосновать с разных позиций, но одним из главных аргументов, вызвавших обращение к антропологической стороне бахтинских трудов, является очевидная направленность мысли ученого к человеку, его пребыванию в мире, отношениям с другими людьми, к его сопричастности жизни общества и будущему нашего мира. Можно взять любую работу философа и убедиться в этом. Так, в художественных произведениях Достоевского для М. Бахтина прежде всего интересен глубокий персонализм¹ писателя, который «всякую мысль (...) воспринимает и изображает как позицию личности»². Известный русский бахтиновед К.Г. Юсупов отмечает, что творчество М. Бахтина концентрируется на экзистенциальной проблематике, что его работы относятся к области персонологии, но такой, которая не вкладывается в рамки уже известных персонологических теорий, является совершенно новаторской по ракурсам и методу их освещения³. Мы разделяем эту позицию. При этом, избирая манеру изложения материала, мы ориентировались на научный стиль Бахтина, для которого характерна не столько аналитичность, последовательность этапов

¹ М.М. Бахтин, *Проблемы поэтики Достоевского*, Изд. 3-е, Художественная литература, Москва 1972, с. 54.

² *Ibidem*, с. 13.

³ К.Г. Исупов, *Уроки М.М. Бахтина / М.М. Бахтин: pro et contra*. Личность и творчество М.М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. Т. I, Сост., вступ. ст. и коммент. К.Г. Исупова, РХГИ, Санкт-Петербург 2001, с. 8.

в изложении материала, сколько аспектология⁴. Уже в ранней работе «К философии поступка» М. Бахтин рассуждает о возможностях построения фундаментальной онтологии. Используя понятие Аристотеля «первая философия», мыслитель обозначает им поворот к новой онтологии и, в сущности, к новой философской парадигме, объединяющей культуру и жизнь в одном человеке. Необходимость новой онтологии, по мысли автора, порождена тем, что в мир построенный теоретического сознания человек не может включить самого себя в своей действительности и всю свою историческую жизнь как момент ее. В таком мире человеку жить нельзя. Теоретический мир развивается и живет, как если бы меня не было, но парадокс заключается в том, что я все же есть⁵. То есть новая онтология должна исходить из антропологической парадигмы, основанием которой является определение места человека в мире, а мир осмысливается как структурированный человеческим отношением к жизни. Главная категория работы «К философии поступка» – ответственность, которую М. Бахтин связывает с уникальностью пребывания каждого человека в бытии, неповторимостью поступка, понимаемого как вся человеческая жизнь. «Каждая мысль моя с ее содержанием, – отмечает мыслитель, – есть мой индивидуально-ответственный поступок, один из поступков, из которых слагается вся моя единственная жизнь как сплошное поступление, ибо вся жизнь в целом может быть рассмотрена как некоторый сложный поступок: я поступаю всей своей жизнью, каждый отдельный акт и переживание есть момент моей жизни-поступления»⁶.

Бахтин не признает традиционный теоретизм европейской философии и науки как единственно верный путь осмысления мира. У него приобретает иной смысл не только онтология, но и существенно меняется гносеология, обретая антропологические черты. Сущность антропологического подхода М. Бахтина к познанию, по мнению Л.А. Микешиной, состоит в следующем: именно «то, от чего с необходимостью отвлекались в теоретизме, – «соответственно поступающая мысль», – здесь становится условием возможности... понимания познания, субъекта, истины»⁷.

Основываясь на позиции участия человека в мире, жизни как поступка, М. Бахтин вводит собственную систему категорий, превращающих прежнюю «безучастную» эпистемологию в иную, антропологическую теорию познания. Так, понятие объекта в некоторых текстах М. Бахтин заменяет зачастую значительно более сложными словесными конструкциями –

⁴ *Ibidem*, с. 10.

⁵ А.В. Кривошеев, *Поступок как основание фундаментальной онтологии* – [http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/300/\(III\)/image/300_3_034-037.pdf](http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/300/(III)/image/300_3_034-037.pdf)

⁶ М.М. Бахтин, *К философии поступка // Работы 20-х годов*, Next, Киев 1994, с. 12.

⁷ Л.А. Микешина, *Значение идей Бахтина для современной эпистемологии* // <http://philosophy.ru/library/bahtin/01/index.html>

«единая и единственная событийность бытия», «историческая действительность бытия», «единственный мир жизни» и др. Наряду с понятием субъекта встречаются «участное сознание», «поступающее мышление», «живая единственная историчность», «не-алиби в бытии», а вместо «истины» мыслитель предпочитает писать «правда» и т.д.⁸

В имеющейся литературе обсуждается вопрос: что считать основой, «тайной», краеугольным камнем его антропологии? Некоторые авторы склонны видеть ключ к разгадке этой проблемы в одном понятии, фундамирующем всю категориальную систему мыслителя. Например, таким понятием предлагается считать антропологическую категорию «личность». Ю.В. Колесниченко в статье «Философия личности как преодолённая феноменология» отмечает: «Личность как субстанциальность есть средоточие Бахтинского знания о бытии вообще, понимание собственно бытия как живого бытия-действия, погруженного в единственно доступную нашему видению человеческую, личностную протяжённость»⁹. Действительно, во многих местах своих текстов М. Бахтин употребляет это понятие. Из данного факта делается вывод, что личность как таковая «занимает субстанциальное место в проекции конкретного бытия на самое себя, (...) заполняет собой все мыслительное пространство Бахтинского философского текста»¹⁰. Однако даже поверхностное прочтение основных его произведений дает основание не соглашаться с подобной позицией. Не менее часто можно зафиксировать у М. Бахтина, в том числе в упомянутой выше работе, и другие традиционные понятия философской антропологии, например, «человек», «жизнь», «другой», «я» (в разных комбинациях), «дух», «тело». Наряду с ними мыслитель вводит в свои тексты немало оригинальных авторских понятий, выраженных словосочетаниями явно антропологического характера (я-для-себя, я-для-другого, другой-для-меня, материально-телесный низ и т.д.). К тому же нельзя не считаться с мнением самого М. Бахтина о том, какие вопросы входят в сферу философской антропологии. В текстах, озаглавленных «Из записей 1970–1971 годов», содержится целый ряд формулировок философско-антропологической проблематики. Это представление о своем я в его целом (теле, наружности человека); самоощущение и сложное самосознание; связь самосознания с развитием знаковых средств выражения (языка прежде всего); соотношение понятий «я-для-себя и я-для-другого, другой-для-меня»; «не-я во мне»; объединение

⁸ Л.А. Микешина, *Значение идей Бахтина для современной эпистемологии* // philosophy.ru/library/bahtin/01/index.html; А.В. Кривошеев, *Поступок как основание фундаментальной онтологии* – [http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/300/\(III\)/image/300_3_034-037.pdf](http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/300/(III)/image/300_3_034-037.pdf)

⁹ Ю.В. Колесниченко, *Философия личности как преодолённая феноменология*. Вл. Соловьев и М.М. Бахтин, *Вопросы философии* 2012, № 1, с. 112.

¹⁰ *Ibidem*, с. 111.

я и *другого* в одном нейтральном образе человека; различия пространственных и временных характеристик я и *другого*¹¹. Нигде в этом перечне философско-антропологических проблем не встречаем термина «личность».

Посему исследуя особенности философской антропологии М. Бахтина, целесообразно, прежде всего, прислушаться именно к его голосу и его пониманию. Перечисленные выше позиции разворачиваются почти во всех его произведениях. Некоторые из проблем, зафиксированных в записях 1970–1971 годов, рассматриваются в работах «Автор и герой в эстетической деятельности», «Проблемы поэтики Достоевского», «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» и др. Рассмотрим ряд аспектов антропологического учения М. Бахтина по проблемам самоидентификации и взаимоотношения я и *другого* в стиле аспектологии. При этом следует учесть два ракурса, различаемые мыслителем в восприятии человеком себя и другого – самопереживание и переживание другого человека. По этой линии М. Бахтин видит существенную разницу между традиционными философскими направлениями, на которую мало обращали внимания другие мыслители. «Мы могли бы сказать, – отмечает он, – что с точки зрения самопереживания интуитивно убедителен идеализм, а с точки зрения переживания мною другого человека интуитивно убедителен материализм»¹².

Представление о себе самом, своем внешнем образе

В самопознании человека решающим фактором является, по Бахтину, внутреннее, самоощущение, которое создает единство восприятия собственной внешности. Фрагментарные, разрозненные частички нашего образа переживаются нами изнутри, а данные наших внешних ощущений (зрения, слуха, обоняния и т.д.) «не являются последней инстанцией даже для решения вопроса о том, мое ли это тело»¹³.

Рассматривая проблему образа себя самого, своего я в его целом, М. Бахтин выделяет ряд случаев, позволяющих составить представление человека о своем внешнем облике и внутреннем мире. Это ситуации, когда мы смотримся в зеркало, сами создаем автопортрет, пытаемся отразить себя в каком-либо из героев автобиографического романа, видим себя на фотографии или же на портрете кисти мастера живописи. Можно ли с помощью

¹¹ М.М. Бахтин, *Из записей 1970–1971 годов* // *Эстетика словесного творчества*, Искусство, Москва 1986, с. 371.

¹² М.М. Бахтин, *Автор и герой в эстетической деятельности* // *Эстетика словесного творчества*, изд. 2-е, Искусство, Москва 1986, с. 30.

¹³ *Ibidem*, с. 41.

подобных средств составить представление о своей внешности, создать адекватный, цельный образ себя самого?

По мнению М. Бахтина, когда человек смотрит на себя в зеркало, он видит отражение своей внешности, но не себя в своей внешности, он пребывает перед зеркалом, а не в нем. Зеркало способно дать лишь материал для самообъективации. К тому же в зеркальном отражении мы видим себя лишь частично, но не всеобъемлюще¹⁴. Ситуация с зеркалом не является у Бахтина просто примером или образным выражением. Понятие «зеркало» употребляется и в переносном смысле как своеобразный принцип видения, возможность отражения своего сознания в иных образах и сознаниях. М. Бахтин применяет данное понятие при анализе произведений Достоевского, в частности внутреннего мира человека из подполья. Этот литературный герой «смотрится как бы во все зеркала чужих сознаний, знает все возможные преломления в них своего образа; он знает и свое объективное определение, (...) знает также, что все эти определения, как пристрастные, так и объективные, находятся у него в руках и не завершают его именно потому, что он сам сознает их; он может выйти за их пределы и сделать их неадекватными»¹⁵. Встречается точка зрения, что принцип, который М. Бахтин обозначал как «двойное зеркало» (синонимичные для него – «отражение отражения», «двуликий Янус»), является одним из основополагающих в методологии и мировоззрении М. Бахтина. Этот принцип выражает двойственное отношение между познающим и познаваемым¹⁶. Но вместе с тем зеркало и в прямом, и в переносном смысле не создает цельного образа человека, не дает адекватного самопознания, хотя помогает формированию своей идентичности.

Другая ситуация – создание своего автопортрета. В этом случае художник должен занять твердую позицию вне себя, очистить экспрессию отраженного лица. Автору-художнику необходимо победить художника-человека. Но этого, как считает М. Бахтин, никогда полностью достичь не удастся. Он приводит примеры автопортретов выдающихся художников – Рембрандта и Врубеля, которые «всегда можно отличить от портрета по какому-то несколько призрачному характеру лица, оно как бы не обымает собою полного человека»¹⁷. Очень трудной задачей является создание

¹⁴ *Ibidem*, с. 34–35.

¹⁵ М.М. Бахтин, *Проблемы поэтики Достоевского*, изд. 3-е, Художественная литература, Москва 1972, с. 89.

¹⁶ В.Л. Махлин, *Бахтин и Запад (Опыт обзорной ориентации) Философия не кончается... Из истории отечественной философии: XX век.*, в 2-х кн., изд. 2-е, под ред. В.А. Лекторского, кн. 1: *20–50е годы*, Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Москва 1999, с. 559, 569.

¹⁷ М.М. Бахтин, *Автор и герой в эстетической ...*, с. 36.

собственного цельного образа в герое автобиографического романа. Таких попыток много, но они частичны. М. Бахтин приводит ряд примеров из русской литературы – автопортрет Пушкина, Иртеньева и Левина Толстого, человека из подполья Достоевского. Однако поскольку в словесном творчестве описание внешности переплетено с другими моментами жизни человека, то законченность собственного образа в такой ситуации едва ли возможна¹⁸.

В случае с собственной фотографией наше отражение чище зеркального отражения. Но такое отражение случайно, искусственно, является сырым материалом, не включенным в единство жизненного опыта. Оно, по мнению Бахтина, «не выражает нашей существенной эмоционально-волевой установки в событии бытия»¹⁹. Наиболее адекватным отражением своего внешнего образа в мире, где человек никогда не живет, является наш портрет, сделанный кистью талантливого художника. «Это действительно видение себя в мире другого глазами чистого и цельного другого человека»²⁰. Но и тут есть некоторая неполнота, недоступная изобразительному искусству: манеры, тембр голоса, походка, отражение различных моментов жизни человека, история его жизни и т.д.

Рассмотрев ситуации, в которых человек может получить представление о себе, М.Бахтин делает вывод, что ни зеркало, ни фотография, никакое иное средство самонаблюдения не дают целостного образа человека. Ведь «для самосознания этот целостный образ рассеян в жизни, (...) и собрать себя в сколько-нибудь законченное внешнее целое сам человек не может, переживая жизнь в категории своего я»²¹.

Не-я (другой) во мне

Итак, внешний облик, наружность не предстаёт основополагающим моментом характеристики человека для него самого. «С помощью категории я, – пишет М. Бахтин – моя наружность не может переживаться как объемлющая и завершающая меня ценность»²². Для адекватного восприятия и переживания собственного образа мыслитель предлагает категорию *другого*. Я должно быть подведено под категорию *другого*, и лишь в таком случае можно «увидеть себя как момент внешнего единого живописно-пласти-

¹⁸ *Ibidem.*

¹⁹ *Ibidem.*

²⁰ *Ibidem.*

²¹ *Ibidem.*

²² *Ibidem.*

ческого мира»²³. *Другой* присутствует во многих наших попытках самопознания. Например, в упомянутой уже ситуации перед зеркалом мы не находимся в одиночестве. В событии самосозерцания присутствует второй участник. Когда человек смотрит на себя в зеркало, он одержим чужой душой. *Другой* способен даже обрести весьма ощутимую самостоятельность. В этом случае недовольство своей наружностью – это отношение к *другому*, который, возможно, сформировал наше представление о своей внешности. Испытываемые порой смотрящим на себя в зеркало недоверие, ненависть, желание уничтожить, – это, скорее всего, попытка бороться с диктатом *другого*. По мнению М. Бахтина, в положении перед зеркалом у нас нет подхода к самому себе извне. Мы смотрим на себя с ценностной позиции по отношению к нам некоего возможного *другого*, с помощью которого мы пытаемся оформить себя. Не раз отмечалось, что у смотрящего на себя в зеркало человека появляется неестественное, не характерное для него в жизни выражение лица.

Констатируя неполноту, фрагментарность нашего образа, каким он предстает перед нами в различных формах и попытках самопознания, М. Бахтин делает заключение об «абсолютной эстетической нужде человека в другом, в видящей, помнящей, собирающей и объединяющей активности другого, которая одна может создать его внешне законченную личность; этой личности не будет, если другой ее не создаст»²⁴. Взаимоотношение «я-*другой*» является основанием оригинального понимания М. Бахтиным диалогизма как одной из универсальных структур сознания²⁵. Концепция необходимости другого для диалога с самим собой, для самопознания личности пронизывает литературоведческие исследования М. Бахтина, в частности, его работы по творчеству Достоевского, Рабле. Открытость чужому наитию, вечная оглядка на другого человека, диалог с другим и другими (полифония) является главным предметом бахтинского интереса к произведениям художественной литературы²⁶. Известная представительница постструктурализма Ю. Кристева, основываясь на работах М. Бахтина, склонна придавать диалогизму статус отличительной черты и необходимого атрибута нового мышления, мышления будущего. «Движение между двумя полюсами, создаваемыми диалогом, – отмечает она в работе, специально посвященной творчеству русского мыслителя, – безвозвратно изгоняет из сферы наших философских интересов проблемы каузальности, финальности

²³ *Ibidem*, с. 37.

²⁴ *Ibidem*.

²⁵ Л.А. Гогтишвили, *Библер, Бахтин и проблема автора*, Вопросы философии 2008, № 6, с. 89.

²⁶ М.М. Бахтин, *Проблемы поэтики Достоевского*, изд. 3-е, Художественная литература, Москва 1972, с. 55.

и т.п. Вероятно, не столько бинаризм, сколько именно диалогизм станет основой интеллектуальной структуры нашего времени»²⁷.

Я-для-другого

В соотношении «я и *другой*», М. Бахтин рассматривает разные векторы, одним из которых является «я-для-другого», то есть мое присутствие в мире другого. Речь идет о потребности, которую испытывает *другой* во мне. При созерцании находящегося вне и против меня человека я всегда буду видеть и знать нечто, чего он со своего места вне и без меня видеть не может. Характеризуя подобное явление, М. Бахтин использует понятия «внеаходимость» и «избыток». «Внеаходимость» – это единственность и уникальность места каждого человека в мире. Она порождает этот избыток. Он всегда присутствует по отношению к другому человеку как избыточность моего видения, знания, обладания. Наличие избытка порождает мою особую активность по отношению к другому человеку. *Другой* такой активности помимо меня проявить не может. Эта активность, мои особые действия восполняют *другого* «именно в тех моментах, где сам он себя восполнить не может»²⁸. Избытку моего видения соответствует недостаток. Именно то, что я вижу в другом человеке, во мне самом видит только он. Но созерцанием дело не заканчивается. Избыток – лишь начало моей активности по отношению к другому человеку. По образному выражению М. Бахтина, это «почка, где дремлет форма и откуда она разворачивается как цветок»²⁹. Для того, чтобы мой избыток стал восполнением видения другого человека, не доминируя в этом видении, не подавляя его, не уменьшая его своеобразия, мне необходимо совершить своего рода проникновение в мир другого человека, стать на его место. Это действие Бахтин характеризует как вживание. В этой ситуации мое я как бы «прячется в *другого* и *других*, хочет быть только другим для других, войти до конца в мир других как другой, сбросить для себя бремя единственного в мире я»³⁰. Человек не стремится оставаться в ситуации *я-для-себя*, но и не остается в другом. Побывав в мире другого человека, я возвращаюсь на свое место, откуда теперь могу восполнить кругозор *другого* тем избытком видения, который открывается с позиции моей внеаходимости. Именно так я могу создать другому человеку недостающее ему завершение «из избытка моего видения, моего

²⁷ Ю. Кристева, *Бахтин, слово и роман*, Диалог. Карнавал. Хронотоп 1993, № 4, с. 454.

²⁸ М.М. Бахтин, *Автор и герой в эстетической ...*, с. 26–27.

²⁹ *Ibidem*, с. 27.

³⁰ М.М. Бахтин, *Из записей 1970–1971 годов // Эстетика словесного творчества*, Искусство, Москва 1986, с. 371.

знания, моего желания и чувства»³¹. В произведениях М. Бахтина последовательно и скрупулезно рассматриваются различные аспекты взаимоотношения *я* и *другого* путем сравнения ряда характеристик и ситуаций. Автор избирает разные основания для сравнения: пространственные и временные границы *я* и *другого*, восприятие своего тела и тела другого человека, переживание себя и *другого*. При этом М. Бахтин подчеркивает разницу между осознанием и восприятием *я* и *другого* в различных аспектах этого отношения.

Я-для-себя и другой-для-меня

Взаимоотношение между позициями «*я-для-себя*» и «*другой-для-меня*» предстает у М. Бахтина как проблема переживания человеком очерчивающих его внешних пространственных границ. Сравнивая эти два ракурса, мыслитель подчеркивает, что форма *я*, в которой человек переживает собственный образ, имеет существенные отличия от формы *другого*, в которой *я* переживаю всех других людей. *Другой* предстает для меня как вещь среди других вещей, он простерт и исчерпан для меня во внешнем мире. В любой момент *я* могу видеть очертания тела другого, он доступен моим органам чувств. *Я* отчетливо различаю границы, отделяющие его от внешнего мира. В то же время представить себя ограниченным в пространстве, в форме видимого и осязаемого предмета адекватно *я* не могу. «Свое сознание, – отмечает М. Бахтин, – *я* переживаю как бы объемлющим мир, охватывающим его, а не вмещенным в него»³². Иллюстрируя разницу между этими формами восприятия, М. Бахтин приводит альтруистические заповеди христианской нравственности, в соответствии с которыми следует любить другого, но не себя и брать на себя бремя другого³³. Это соотношение в традиционных философских категориях (субъекта и объекта) мыслитель представляет следующим образом. Другой человек вместе с его *я* – объект для меня, в то время как *я* сам «превышаю всякий объект, как активный субъект его»³⁴. Иные различия, отмечаемые М. Бахтиным в восприятии себя и *другого*, состоят в следующем: все пространственно данное во мне тяготеет к непространственному внутреннему центру, а в *другом* все идеальное тяготеет к его пространственной данности; человека как природу *я* переживаю только в *другом*, сам же внеприроден и противопоставлен миру благодаря своей внутренней внемирной активности. Эта активность позво-

³¹ М.М. Бахтин, *Автор и герой в эстетической ...*, с. 27.

³² *Ibidem*, с. 41.

³³ *Ibidem*, с. 39.

³⁴ *Ibidem*.

ляет мне ускользнуть из мира, спастись от природной данности, противостоять внешнему миру как объекту. Для человека его внутренняя жизнь, организующаяся вокруг его идеального центра, является своего рода убежищем, или, по терминологии М. Бахтина, лазейкой, куда человек прячется от природной необходимости и откуда он со своей единственной позиции вненаходимости воспринимает все противостоящее ему – природу, другого человека, других людей.

Описанные выше различия, проводимые М. Бахтиным между восприятием человеком себя и *другого*, а также восприятие моего *я* другим наглядно представлены в таблицах 1 и 2.

Табл. 1. Различия между позициями «я-для-себя» и «другой-для-меня»

<i>я-для-себя</i>	<i>другой-для-меня</i>
неограничен, пребываю на границе видения	сплошь ограничен
субъект	объект
объемлю мир	вмещен в мир
внеприроден и внемирен	человек как природа
тяготее к непространственному внутреннему центру	идеальное, заключенное в пространственную данность
внемировая активность	интимная связь с миром

Табл. 2. Различия между позициями «я-для-себя» и «я-для-другого»

<i>я-для-себя</i>	<i>я-для-другого</i>
недостаток видения	избыток видения
вненаходимость	часть мира
лазейка	исчерпанность миром
охватываю мир	охвачен миром
единственная, недифференцированная жизнь	ценностно тяжелое, упругое, дифференцированное бытие

М. Бахтин подчеркивает, что в соотношении «я-другой» существенно различаются позиции познания, представляющего собой синтез образа себя и *другого*, и переживания, где такой синтез невозможен. Различия в переживании своего *я* и *другого* можно отметить в таких аспектах. По М. Бахтину, я не могу убедительно пережить себя всего заключенным во внешне ограниченный мир. Можно достичь видения себя со всех сторон, в том числе и с помощью зеркала, представить себе, даже увидеть все окружающее меня пространство, но переживанию это недоступно. В таком представлении отсутствует внутренняя убедительность, аспект самопереживания. В любом случае я переживаю себя только изнутри. Мое представление сконструиро-

вано мной, а другого человека я переживаю в полноте его внешнего пространственного выражения. По форме мое переживание себя как единственного коренным образом отличается от тех форм, в которых я переживаю всех других людей. Я другого человека совершенно иначе переживается мною, чем моё собственное я, пребывающее во мне. Я другого пребывает в другом как в объекте, оно подводится под категорию другого как его момент³⁵.

Важным аспектом переживания себя и другого является действие. В активности, действию отсутствует образ целостного предмета, как он предстает в настоящий момент. Он разъят на части, мое ощущения относительно него определяется целью моего действия. Только случайные его обрывки, нужные мне для действия, входят в мое сознание, переживаются мною изнутри. «При интенсивном внешнем действии... основой – собственно миром действия, – отмечает М. Бахтин, – остается внутреннее самоощущение, не позволяющее ничему внешнему завершиться в устойчивую воззрительную данность ни во мне самом, ни вне меня... Во время трудного и опасного действия я весь сжимаюсь до чистого внутреннего единства, перестаю видеть и слышать что-либо внешнее, свожу себя и свой мир к чистому самоощущению»³⁶. Вектором переживания мною моего действия является будущее, мое действие определяется предвосхищением будущего осуществления, предстоящей целью. Даже когда человек просто идет по улице, он направлен вперед, внутренне оценивает свои действия, предвосхищает возможные препятствия, столкновения. Это происходит в форме самопереживания. Предмет, находящийся в районе напряженного внешнего действия, как пишет М. Бахтин, переживается «то как возможное препятствие, давление, как возможная боль, то как возможная опора для руки, ноги и проч., притом все это на языке внутреннего самоощущения; это-то и разлагает внешнюю завершенную данность предмета»³⁷. Внутреннее самоощущение подчиняет себе и растворяет в себе все внешнее и не позволяет ничему обрести зримую, устойчивую форму данности.

Другой предстает перед нами как объект активности, которая формируются в нашем внутреннем самоощущении. Она выражается в ряде необратимых действий, исходящих от меня и утверждающих другого человека в моментах его внешней завершенности. В этих действиях я наглядно реализую свою внеположенность по отношению к другому человеку. Другой является для меня ценностно плотным, доступным для осязания. Я могу обнять его, ощутить его конечность, его границы, «его здесь-и-теперь-бытие охватить со

³⁵ *Ibidem*, с. 38–39.

³⁶ *Ibidem*, с. 45.

³⁷ *Ibidem*.

всех сторон»³⁸. Ничего подобного человеку нельзя пережить по отношению к себе. И дело не только и не столько в том, что такие действия физически невозможны, а в их символическом характере, ведь обнимая или осеняя тело, мы обнимаем или осеняем заключенную в этом теле и выраженную им душу другого человека³⁹.

Некоторые различия во внутреннем самоощущении (самопереживании) человека и его ощущения (переживания) по отношению к *другому*, рассмотренные в текстах М. Бахтина, лаконично представлены в таблице 3.

Табл. 3. Мое переживание я и другого

Я переживаю себя	Я переживаю другого
лишенным границ, не охваченным ими	сплошь пространственно ограниченным
изнутри	извне (с позиции внеаходимости)
единственного	одного из многих других
как я во мне	как его я в объекте
как активность	как вектор моей активности
не завершенным в действии, устремленным в будущее	ценностно уплотненным, осязаемым

Тело как ценность

Одной из наиболее часто встречаемых у М. Бахтина тем является человеческая телесность. В числе важнейших задач философской антропологии, по мнению русского мыслителя, находится исследование того, как в самосознание человека входят представления о собственном теле, наружности, прошлом⁴⁰. В ранней своей работе «Автор и герой в эстетической деятельности» Бахтин рассматривает тело человека как единое ценностное целое⁴¹. Понимание тела как ценности автор связывает с единственным местом, занимаемым им в конкретном мире по отношению к субъекту. В последующих трудах эта проблематика расширяется и обогащается и в работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» достигает кульминации.

М. Бахтин выделяет два аспекта человеческой телесности – внутреннее и внешнее тело. Тело внутреннее понимается им как момент самосознания

³⁸ *Ibidem*, с. 42.

³⁹ *Ibidem*, с. 43.

⁴⁰ М.М. Бахтин, *Из записей 1970–1971 годов // Эстетика словесного творчества*, Искусство, Москва 1986, с. 371.

⁴¹ М.М. Бахтин, *Автор и герой в эстетической ...*, с. 47.

человека. Оно представляет собой совокупность органических ощущений, потребностей и желаний, объединенных вокруг внутреннего центра⁴². Внешнее тело – это тело другого человека. Внутреннее и внешнее тело связаны органически между собой. Формирование внутреннего тела происходит извне, с помощью другого человека. Так, с самого детства любовь матери и других людей в течение всей жизни человека «оплотняет» его внутреннее тело. У самого человека представление о своем теле разрозненно, фрагментарно, не самостоятельно, лишено полноты. Единство нашего представления о своем теле создается внутри нас, во внутреннем центре, в самосознании. Формирующая деятельность *другого*, хотя и не дает наглядного образа внешней ценности нашего тела, но делает его обладателем потенциальной ценности для другого человека⁴³. Иными словами, внутреннее тело не самодостаточно, нуждается в *другом*, его признании и формирующей деятельности. В онтологическом аспекте оно и только оно – тяжелая плоть – дано самому человеку. Напротив, тело другого человека задано: его предстоит активно создать. Оно, как выражается М. Бахтин, воплощено для меня ценностно-эстетически, «ценность его осуществляется мною воззрительно-интуитивно»⁴⁴. По отношению к собственному телу мы не можем испытывать таких чувств, какие у нас возникают в отношении другого человека. М. Бахтин подчеркивает, что эгоист не знает любви к себе и вообще никаких чувств. Его отношение к себе – это «холодная и жестокая эмоционально-волевая установка»⁴⁵, это самосохранение. Я эмоционально реагирую на другого человека непосредственно, только по отношению к *другому* могу переживать красоту человеческого тела. Оно для меня живет в таком ценностном измерении, которое недоступно внутреннему самоощущению. Переживаемые человеком и воспринимаемые в его самоощущении различия, выделенные и проанализированные М. Бахтиным в работе «Автор и герой в эстетической деятельности», в основных своих особенностях представлены в таблице 4.

Табл. 4. Различия восприятия телесности (моей и *другого*)

Мое тело	Тело <i>другого</i>
внутреннее	внешнее
дано	задано
реагирует на тело <i>другого</i> непосредственно	воплощено для меня ценностно-эстетически

⁴² *Ibidem*, с. 48.

⁴³ *Ibidem*, с. 51.

⁴⁴ *Ibidem*.

⁴⁵ *Ibidem*, с. 49.

тяжелая плоть	его надо активно создать
глубоко холодно в самосохранении	необходимо для формирования моего внутреннего тела

Особый подход к человеческой телесности характерен для книги М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса». Автор отмечает повышенный интерес французского писателя Франсуа Рабле ко всем проявлениям телесности: еде, питью, совокуплению, зачатию, родам, смерти. При этом речь идет не о жизни индивидуального тела, а о теле коллективном⁴⁶. «Тело и телесная жизнь (...) носят здесь космический и одновременно всенародный характер (...) Носителем материально-телесного начала является здесь не обособленная биологическая особь и не буржуазный эгоистический индивид, а народ (...) Все проявления материально-телесной жизни отнесены (...) как бы к народному, коллективному, родовому телу»⁴⁷. Оригинальное истолкование человеческого тела как открытого миру через свои «откровенные» части, органы оплодотворения и рождения, питания и опорожнения является у Бахтина онтологическим основанием диалогического видения языка и культуры, литературы и мышления. В работе о романе Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» М. Бахтин проводит прямую связь между древним двутонным, двуголосым словом и двутелым образом человека, в котором заложен диалогический момент⁴⁸.

Двутелое тело, двутонное слово, двуголосие, диалог – эти категории бахтинского учения являются весьма близкими современному западному мышлению, в значительной мере связанному с постструктурализмом, с его особым акцентом на лингвистике, связи языка с телесностью и другими аспектами человеческой жизни. Бахтинская концепция карнавала, в котором концентрируются многие моменты телесной жизни народа, обрела методологическое значение в современных антропологических исследованиях. Карнавал, как отмечает Ю. Кристева, с неизбежностью обнаруживает лежащее в основе структуры саморефлексирующей продуктивности бессознательное – секс, смерть. Между различными моментами телесной жизни участников карнавала возникает диалог, порождающий структурные карнавальные диалогические пары: верх и низ, рождение и агония, пища и экскременты, хвала и брань, смех и слезы⁴⁹.

⁴⁶ С. Тарадайко, «Дво тіле тіло» Михайла Бахтіна // *Філософська думка*, 2008, с. 144.

⁴⁷ М.М. Бахтин, *Автор и герой в эстетической ...*, с. 51.

⁴⁸ М.М. Бахтин, *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*, Художественная литература, Москва 1990, с. 26.

⁴⁹ Ю. Кристева, *Бахтин, слово и роман*, Диалог. Карнавал. Хронотоп 1993, № 4, с. 442.

Подытоживая все аспекты антропологического учения М. Бахтина, изложенные в данной статье, можно сделать следующие выводы: 1) Творчество М. Бахтина носит антропологический, персоналистический характер, обращено к человеку, его пребыванию в мире, отношениям с другими людьми, с миром в целом; 2) М. Бахтин создал целый ряд понятий антропологии, отражающих единственность пребывания человека в мире и его участия в событиях бытия; 3) Бахтинское истолкование телесности обрело парадигмальное значение в современных антропологических исследованиях; 4) Исходя из понимания отношения «я-другой» как диалога и универсальной характеристики человеческого сознания, М. Бахтин анализирует и совмещает разные точки зрения человека в его взаимосвязи с *другим* и другими («не-я во мне», «я-для-себя», «я-для-другого», «другой-для-меня») и с миром. Его подходы отличаются оригинальностью и не укладываются «ни в какую из готовых персонологий»⁵⁰. Диалогическое и полифоническое (по терминологии Ю. Кристевой полилогическое) учение М. Бахтина следует рассматривать как новое относительно самостоятельное направление философской антропологии, адекватное современным реалиям.

[знаков 34 140]

Człowiek w twórczości Michaiła Bachtina

a b s t r a c t

Autorka wskazuje, że M. Bachtin w swoich pracach odnosi się do człowieka; jego bycia w świecie i relacji z innymi. Analizuje kategorie antropologii M. Bachtina, które wskazują na relację „ja – inny” jako dialogu i uniwersalną cechę świadomości człowieka. Podkreśla, że dialogiczna doktryna M. Bachtina reprezentuje oryginalny kierunek antropologii filozoficznej, adekwatny do wyzwań współczesnego świata i przyszłości ludzkości.

ключевые слова: поступок; ответственность; тело

słowa kluczowe: działanie; odpowiedzialność; ciało

The Man in Mikhail Bakhtin's Works

a b s t r a c t

The author claims that M. Bakhtin in his works addresses to the man, his being in the world, his relations with others people. It is analyses the categories of M. Bakhtin's anthropology, who examine the relation «I – another» as dialog and universal characteristic of man's consciousness. Author emphasizes that dialogic doctrine of M. Bakhtin represents original direction of philosophical anthropology, which is adequate of challenges of modern world and future of mankind.

keywords: action; responsibility; body

⁵⁰ К.Г. Исупов, *Уроки М. М. Бахтина // М.М. Бахтин: pro et contra. Личность и творчество М.М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли*, Т. I, Сост., вступ. ст. и коммент. К.Г. Исупова, РХГИ, Санкт-Петербург 2001, с. 8.

Библиография

- Бахтин Михайл М. 1972. *Проблемы поэтики Достоевского*. Изд. 3-е. Москва: Художественная литература.
- Бахтин Михайл М. 1986. *Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика сло-весного творчества*. Изд. 2-е. Москва: Искусство.
- Бахтин Михайл М. 1986. *Из записей 1970–1971 годов // Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство.
- Бахтин Михайл М. 1990. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. Москва: Художественная литература.
- Бахтин Михайл М. 1994. *К философии поступка // Работы 20-х годов*. Киев: Next.
- Гогтишвили Л.А. 2008. „Библер, Бахтин и проблема автора”. *Вопросы философии*. 6.
- Исупов К.Г. 2001. *Уроки М.М. Бахтина / М.М. Бахтин: pro et contra. Личность и творчество М.М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли*. Т. I. Сост., вступ. ст. и коммент. К.Г. Исупова. Санкт-Петербург: РХГИ.
- Колесниченко Ю.В. 2012. „Философия личности как преодоленная феноменология. Вл. Соловьев и М.М. Бахтин”. *Вопросы философии* 1.
- Кривошеев А.В. *Поступок как основание фундаментальной онтологии* – [http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/300/\(III\)/image/300_3_034-037.pdf](http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/300/(III)/image/300_3_034-037.pdf)
- Кристева Ю. 1993. „Бахтин, слово и роман”. *Диалог. Карнавал. Хронотоп* 4.
- Махлин В.Л. 1999. *Бахтин и Запад (Опыт обзорной ориентации) Философия не кончается... Из истории отечественной философии: XX век.: В 2-х кн. Изд. 2-е. Под ред. В.А. Лекторского. Кн. 1: 20–50е годы*. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Микешина Л.А. *Значение идей Бахтина для современной эпистемологии* // [http: philosophy.ru/library/bahtin/01/index.html](http://philosophy.ru/library/bahtin/01/index.html)
- Тарадайко С. 2008. *«Дво тіле тіло» Михайла Бахтіна // Філософська думка*.